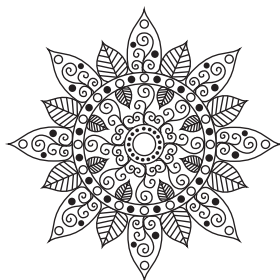

ГЛАВА 1

Ася считала себя хорошим человеком. Возможно, это было ее единственным достоинством. Хороший — в значении удобный и практичный человек. Возможно, слишком безалаберный. А еще — немного беременный. Она постояла неподвижно, разглядывая свое задумчивое отражение в зеркале. С хорошими людьми должны случаться хорошие вещи. Две полоски — это хорошо. Возможно, когда-нибудь она в полной мере прочувствует это. стакан воды в старости, и всякое такое. Выбросив положительный тест в мусорку, Ася тщательно вымыла руки и открыла календарь на своем телефоне. Она беременна уже девятнадцать суток и около шести часов. Однако важность такого открытия не должна была нарушить распорядок этого воскресного утра, который не изменялся вот уже почти семь лет.

Она вышла из дома как всегда ровно в восемь пятнадцать, купила в кофейном ларьке большой капучино с корицей и клубничный молочный коктейль, в хлебном магазинчике — булку и бутылку воды.

Свернув вниз по улице в сторону частного сектора, Ася пересекла заросший высокой мальвой проулок и толкнула шаткую калитку.

Димдим уже сидел на покосившемся крыльце, ковыряя пальцами дырки в потрепанных кедах.

— Доброе утро, ребеночек, — бодро приветствовала племянника Ася, протягивая ему молочный коктейль.

Он поднял голову и посмотрел на нее с тенью улыбки во взгляде.

Димдим был очень серьезным семилетним мальчиком.

Он не улыбался без лишнего повода.

— Ты опоздала на полторы минуты, — в его голосе не было упрека, он просто отмечал этот факт, как необычный.

— Родители еще спят? — спросила Ася, кивая на дом.

— Дрыхнут, — Димдим поднялся на ноги и зашагал в сторону калитки.

Дороги до детского парка как раз хватало на то, чтобы расправиться с булкой и напитками.

Не сговариваясь, они миновали качели и свернули к огромной песочнице, окружавшей крохотный искусственный водоем.

В самом укромном уголке уселись напротив друг друга, одинаково скрестив ноги, и принялись сооружать из песка свой Ежевоскресный замок.

Время от времени приходилось поливать песок из бутылки, чтобы он лучше схватывался.

— Мама купила рюкзак для школы, — мрачно сообщил Димдим, руками выкапывая ров для замка.

— Красивый?

— Нет. Отро-пе-ди-ческий.

— Ортопедический, — рассеянно поправила Ася. — Чтобы твоя спина не сломалась под грузом новых знаний.

Димдим фыркнул.

— Первый класс для дураков, — объявил он высокомерно.

— Боюсь, что у тебя нет выбора, дружок. Родителям жизненно необходимо куда-нибудь сплавлять детей, а детский сад для мелюзги, — парировала Ася.

— Для такой мелюзги? — и Димдим ткнул пальцем ей за спину.

Оглянувшись, она обнаружила маленькую девочку, сидевшую на корточках возле них и внимательно наблюдавшую за строительством замка.

Ей было примерно около четырех лет. Черные глаза-пуговицы, черные буйные кудряшки, чересчур туго затянутые в кривоватый хвостик. Она была одета слишком тепло для такого жаркого дня: плотные белые колготки, платье с длинными рукавами.

Хорошенькая, как картинка, девочка вызывала непреодолимое желание погладить ее по кудряшкам и пощекотать круглые щечки.

«Нельзя трогать незнакомых детей в парке», — сказала себе Ася, но не смогла удержать улыбки. Девочка отраженно улыбнулась ей тоже, став невыносимо сладкой. Она протянула руку с зажатыми в кулачке цветами мать-и-мачехи и бросила их прямо в ров.

Димдим настороженно наблюдал за ее действиями, но не препятствовал этому творческому порыву.

Ася достала из рюкзака влажные салфетки и принялась оттирать пятна от желтых цветов с ладошек девочки.

Та доверчиво и терпеливо ждала, потом деловито пересела на скрещенные ноги Аси и скомандовала Димдиму:

— Строй дальше.

Она пахла клубничным детским шампунем, и Ася с наслаждением втянула этот запах в себя.

Ребенок.

У нее будет ребенок.

— Я вообще не обязан ходить в школу, — гнул свою линию Димдим, — я гуглил. Можно учиться дома.

— И помереть со скуки.

— Никто не умрет со скуки, когда есть ютуб.

— Ты выложил на своем канале очень пылкое обращение, призывая отказываться от школ.

— Да, — оживился Димдим, — десять новых подписчиков. Ты меня не лайкнула.

— Потому что это чушь собачья.

— Эй, — возмутился племянник, — ты не имеешь права ругать мою точку зрения! Садиковский психолог говорит, что мы должны уважать чужие странности!

— При всем моем уважении — все это чушь собачья.

Димдим тяжело вздохнул и сказал тихо сидящей девочке:

— Вот она всегда такая.

— А ты трус-белорус!

— Что такое белорус? — спросил Димдим.

— Человек, который живет в стране под названием Беларусь, — уныло призналась Ася, ожидая очередной нагоняй. И он незамедлительно последовал.

— Ты что, — с ужасом спросил Димдим, приглушая голос, — обозвала всю страну трусами?

— Кто? Я? — шутливо ужаснулась Ася. — Но чтобы исправить свое бесчеловечное преступление против целой страны, я тебе открою один секрет, как пережить школу и не сойти с ума от скуки.

— Ты не можешь знать больше, чем гугл, — усомнился в ее компетентности Димдим.

— Одно слово: экстерн, — Ася наклонилась вперед и поцеловала племянника в нос, — погугли, что это такое.

Девочка на ее ногах пискнула и захихикала, когда ее сначала немного наклонили вниз, а потом снова выпрямили.

— Где твои родители, малыш? — спросила ее Ася, вдруг устыдившись этой запоздалости.

Кудряшка задрала к ней круглое личико со своими бездонными огромными глазами и пожалала плечами.

— Ребенок, — обратилась Ася к племяннику, — у нас срочная поисковая операция. Код красный.

— Садиковский психолог считает, — проворчал Димдим, за руку поднимая девочку на ноги, — что ты специально говоришь мне «ребеночек», чтобы не страдать оттого, что я слишком быстро расту.

— Верно, ты слишком быстро растешь, — Ася огляделась по сторонам, — но сейчас ты мне нравишься куда больше, чем когда тащил этот песок в рот и пускал слюни. По крайней мере, мне больше не надо менять тебе памперсы.

Кудряшка цепко схватилась крохотным кулачком за ее широкую штанину и следовала по пятам, торопливо перебирая короткими ножками, пока Ася обходила парк, спрашивая у прохожих: «Извините, вы не видели родителей этой девочки?»

Никто не признавался.

— Это нехорошо, — произнесла Ася, она одновременно боялась далеко уходить от песочницы и в то же время чувствовала сильную потребность в том, чтобы начать суматошно носиться по парку.

— Как твое имя, дорогая? — обратилась она к девочке, и поскольку та молчала, всполошилась окончательно: — Оно же у тебя есть, правда?

— А разве бывают люди без имени? — заинтересовался Димдим.

— Терминатор, например.

— Он же не человек.

— Спорный вопрос.

Ася вытерла вспотевшие ладони о брюки и достала мобильник.

— Ты помнишь номер полиции? — спросила она, даже в такой ситуации не упуская случай проверить базовые навыки выживания племянника.

Он назвал номер без запинки.

— Ева, — раздался густой голос совсем рядом. — Эту девочку зовут Ева. Не надо никуда звонить, я ее отец.

Девочка смотрела на него совершенно равнодушно и по-прежнему не выпускала штанину Аси.

Только сейчас до Адама дошло, какую злую шутку может с ним сыграть слишком короткое знакомство с дочерью. Девчонка не собиралась проявлять ни малейших признаков узнавания.

Напрасно он позволил ей так долго оставаться рядом с этой парочкой. Но ему требовалось совершить несколько важных телефонных разговоров, и то, что Ева тихо сидела на коленях чужой женщины, было как нельзя кстати.

Правда, он прощелкал тот момент, когда началась поисковая операция.

И вот пожалуйста! Более нелепой ситуации сложно себе представить.

— Действительно? — довольно доброжелательно и в то же время язвительно спросила его незнакомка, за чьи безумные клоунские штаны держалась Ева.

Как у нее получалось так ловко сплести в этом коротком вопросе такие разные эмоции?

Он понимал, почему его дочь клешом вцепилась именно в эту женщину. Она выглядела ярко и дружелюбно. Невысокая и немного более пухлая, чем было положено в инстаграме, тетка щеголяла расклеванными шароварами нелепой длины чуть ниже колена. Одна штанина была зеленой, вторая — оранжевой. И как будто этого было мало, шлепки-вьетнамки на ногах новой подружки его дочери тоже оказались разного цвета. Под зеленой штаниной — оранжевая, а под оранжевой — зеленая.

На тетке была майка на тонких бретельках с нарисованной синей полицейской будкой, почему-то летающей в космосе. Каштановые, слегка волнистые волосы собраны в небрежный пучок, заколотый карандашом.

Она казалась слишком взрослой для всего этого.

Вся эта экстравагантность больше подошла бы подростку, а не человеку, на чьей физиономии явственно читалось «за тридцать».

Круглое и самое обычное лицо, лишенное всякой косметики или украшений, если не считать ряда колец в левом ухе. Милый гик, выгуливающий утром в парке своего ребенка.

У Евы был неординарный вкус.

Теперь осталось оторвать ее от разноцветных штанов.

Их обладательница присела на корточки перед его дочерью и мягко спросила:

— Ева? Какое красивое у тебя имя. Это твой папа?

Девчонка выглянула из-за ее плеча, посмотрела на отца и отрицательно покачала головой.

Ася тоже подняла голову и посмотрела на потрясенное мужское лицо.

Они были очень похожи, смуглые, с черными глазами и волосами, с явно доминирующими восточными корнями. Красивые. «Знойные, — подумалось Асе, — такое подходящее слово».

— Меня зовут Адам, — проговорил мужчина, явно раздосадованный этой нелепой ситуацией.

— Адам и Ева? — переспросила Ася. — А у вас все нормально с самооценкой.

Он поморщился.

— У матери этого ребенка своеобразное чувство юмора.

— Я Анастасия, — она встала и по-мужски протянула ему руку, — а это мой племянник, Димдим. Дима, сын Димы, — пояснила она в ответ на невысказанный вопрос. — Боюсь, мне понадобятся какие-нибудь доказательства вашего родства. Извините за такое недоверие.

Адам задумался.

Ева была вписана в его паспорт, но считалось ли это за доказательство?

Совместных фотографий у них не было.

— Ева, — строгим голосом сказал он, — немедленно скажи правду.

Она спряталась за разноцветными штанами.

— Знаете, — сказала Ася, развеселившись, — мы с племянником идем завтракать. Почему бы вам не присоединиться к нам?

— Да, пожалуйста, — вырвалось у него. — Мы с Евой пытались соорудить завтрак самостоятельно, но наша каша пригорела, а хлопья рассыпались. Эта девица только кажется такой спокойной. На самом деле она несет хаос и разрушения.

— Как и все дети, — хмыкнула Ася.

— Я тоже? — заинтересовался Димдим.

— Ты, моя радость, со своей исследовательской жилкой был особо опасен.

Он захихикал своим особенным злодейским смехом.

— Я забираю племянника каждое воскресенье, — сказала Ася, направляясь к дорожке. — Знаете, чтобы моя сестра и ее муж могли выспаться, отдохнуть и заняться домашними делами.

Она старалась идти медленно, потому что Ева так и семенила за ней, продолжая держаться за штанину. Димдим на правах предводителя отряда шагал впереди.

— Домашними делами? — ухмыльнулся он. — Да они целый день листают фейсбук.

— Дети — находка для шпиона. Выболтают все ваши тайны, — вздохнула Ася.

— Ева почти не разговаривает, — признался Адам. — Просто тарачится на меня этими огромными глазами, как будто я собираюсь съесть ее с потрохами.

— Она всегда была такой? Или что-то ее расстроило?

— Ее бросила мать. Полагаю, что это ее адски расстроило, — сказал Адам сердито.

— Адски, — вдруг повторила Ева. — Адски. Адский блин. Адский компот. Адская каша.

— Для молчаливого ребенка, — заметил Димдим, — она очень ругачая. Садиковский психолог бы сказал, что у нас проблемы.

— Адский носок, адские трусы, адская пижама.

— Психолог? — заинтересовался Адам.

— Мы растим гения, — пояснила Ася со скепсисом. — Это требует определенной гибкости.

— Адский кот, адская собачка, адская птичка, адская коровка.

— Мама считает, что мне нужен психолог, а Ася с папой — нет. Но мне нравится. Там можно рисовать и говорить всякую ерунду.

— Как будто тебе кто-то запрещает рисовать в других местах!

— Адская зима, адское лето...

Адам шел чуть поодаль, и три голоса, которые говорили одновременно, слились в один гул.

Он с ума сойдет.

Но с психологом мысль была хороша.

Они с Евой пойдут на сеансы, где их научат быть отцом и дочерью.

Пока это получалось так себе.

Впрочем, за те несколько дней, что они жили вместе, сложно было привыкнуть друг к другу.

Но то, как Ева вцепилась в совершенно незнакомую тетку, наводило на грустные мысли.

Анастасия привела их в семейное кафе, которое располагалось на берегу реки, выбрав столик на террасе, где шумели волны и орали чайки.

— Обожаю это место, — сказала она, усаживаясь ближе к перилам и устраивая Еву у себя на коленях. Это у нее получилось удивительно естественно. Дима, сын Димы, сел рядом с ней и уткнулся в меню.

Адам приземлился напротив, наблюдая за тем, как Анастасия что-то прошептала Еве, пощекотала ей подбородок, и та засмеялась, съезживаясь.

— Я буду оладьи с колбасой и сыром, — решил мальчик.

— А мы с Евой... кашу? — спросила их новая знакомая.

Девочка затрясла головой.

— Творог? Запеканку? Пюре с сосиской? Правда? Дай детям волю, — Анастасия посмотрела на Адама, — они будут питаться одними макаронами, пельменями и сосисками.

— Понятия не имею, — ответил он, заказывая кофе и двойной омлет. — Я еще не разобрался в пищевых пристрастиях своей дочери.

— Я люблю борщ, — сообщил Димдим. — Он красный.

Себе Анастасия заказала огромную порцию капучино, но, сделав один глоток, вдруг скорчила жалобную мордочку и отставила его подальше.

— Не вкусно? — удивился Адам.

— Я вдруг вспомнила, что теперь мне положен кофе без кофеина. И безалкогольное пиво. И ничего сладкого, и ничего острого, и ничего жирного... — она становилась все грустнее.

Эта женщина со своими круглыми щеками и плечами не была похожа на тех, кто сидит на диетах. У нее было удивительное выразительное лицо, все покрытое мелкими конопushками. Слишком широкий нос, широкие губы и густые русые брови над немного выпуклыми глазами.

Тяжелые веки, морщинки-лучики в уголках глаз, подвижная мимика.

— Звучит драматично, — отозвался Адам, поймав себя на том, что слишком внимательно ее разглядывает. Наверное, это неприлично.

Она улыбнулась ему.

— Сегодня утром я узнала, что беременна, — сказала Анастасия так буднично, как будто говорила о погоде.

— Оу, — смешался Адам, не зная, как реагировать на такие заявления от незнакомок.

Димдим уставился на нее во все глаза.

— В твоем животе ребенок? — спросил он с любопытством первооткрывателя.

— Да, дорогой. Твой двоюродный братик или сестричка.

— Но ты же все равно будешь гулять со мной по воскресеньям?

— Я постараюсь.

— Но у тебя нет мужа!

— Это будет беспаянный ребенок, — спокойно пояснила Анастасия.

— А мой ребенок безмамный, — зачем-то сказал Адам.

Ева наклонилась вперед и сосредоточенно стала сыпать на стол сахар из сахарницы. Получился красивый узор.

— Ева! — рывкнул Адам.

Лицо его дочери сморщилось, и она громогласно разревелась.

«А-а-а-а» — тянула девочка на одной ноте, словно выполняла утомительную работу.

К изумлению Адама, Анастасия только рассмеялась.

— Бээээ, — затянула она с той же интонацией.

Ева моргнула и замолчала.

Анастасия протянула ей салфетку.

— Теперь давай соберем сахар и отдадим его птичкам. Слышишь, как они кричат?

Ева посмотрела на чаек.

Потом стала неуклюже собирать салфеткой сахар в подставленное ей блюдечко.

— Я могу стать твоему ребенку двоюродным папой, — подумав, сказал Димдим. — Буду говорить ему «не балуйся» или «отстань». Ася совершенно не умеет ругаться, — сообщил он Адаму. — Ее ребенок обязательно отобьется от рук.

— Это было бы прекрасно, — обрадовалась она. — Ты спасешь моего ребенка от рукоотбивательства. Подумать только, каким страшным человеком можно вырасти, если тебе никто не будет говорить «не балуйся» или «отстань».

Эта женщина так мягко подтрунивала над племянником и ловко обращалась с Евой, что Адам спросил:

— Кем вы работаете, Анастасия?

— Ася, — поправила она его с улыбкой-просьбой. — Еще несколько часов я — секретарь.

— А что случится через несколько часов?

— Я позвоню своему боссу и доложу, что нарушила самое главное требование нашего контракта.

— Увольнять беременную женщину — незаконно, — возмутился Адам.

— О, все в порядке, — махнула она рукой. Официант принес еду, и Ася взялась за вилку. — Внимание всем капитанам. Сосиска ныряет в пюре! — приговаривала она Еве. — Ты знаешь, что далеко-далеко есть целое море картофельного пюре?

— Не морочь ей голову, — возмутился Димдим. — До пяти лет я верил, что сосиски растут на деревьях, — пожаловался он. — А пельмени добывают на рудниках в Сибири.

— Подай на меня в суд, — посоветовала ему Ася, ловко отправляя сосиску в рот Еве. — Мой босс, — продолжала она, — отец четверых детей. Его единственным условием к своему секретарю было: никаких токсикозов на работе. Этого дурдома ему хватает и в семье. Так что я сразу знала, на что шла.

— Звучит ужасно сексистки. В наше время...

— В наше время честность ценится как никогда высоко, правда? — она посмотрела на часы: — Четкие договоренности очень упрощают коммуникации между людьми. Босс проснется через тридцать четыре минуты. Тогда я ему и отправлю сообщение.

— Значит, вы безработная мать-одиночка? — резюмировал Адам.

— Выходит, что так, — беспечно улыбнулась Анастасия. — Но я быстро найду новую работу, потому что могу быть кем угодно. За свою жизнь я была поваром, няней, парикмахером, риелтором и массажистом.

— Еще сэндвичем, — подсказал Димдим.

— Точно. Разгуливала в костюме сэндвича по улицам, рекламируя фастфуд.

— Няней, — вычленил главное слово Адам.

Ася посмотрела на него с интересом. Потом перевела взгляд на Еву.

— Понимаю, — пробормотала она. — Сколько?

Он назвал сумму. Она присвистнула.

— С проживанием, — быстро сказал Адам. — Мне очень нужна няня с проживанием. Я мотаюсь по всей стране и часто не бываю дома. Нужно с кем-то оставлять этого ребенка.

— Да вы правда в отчаянии, если готовы всучить свою дочь человеку, которого знаете десять минут.

— Ася очень ответственная, — вставил свое слово Димдим. — Она не пропустила ни одного воскресенья.

— Потише, ковбой, — воскликнула Ася. — Сначала мне надо проверить вашу благонадежность. У вас есть страница в фейсбуке?

— Конечно.

Она достала из кармана телефон.

— Ваше полное имя?

— Адамур Гафаров.

— Хм. Не думаю, что вас придется долго искать... А, вот и вы. Клевая фотка. На ней вы похожи на индийского киноактера. О, вы разводила!

— Бизнес-коучер, — сухо отозвался Адам.

— Автор книг «Мой первый миллион», «Бизнес для гуманитариев» и «Маркетинг без забот». Господи боже.

— Ошибки молодости.

— Молодости? Да вам всего двадцать пять! И вы уже профессиональный лжец.

— По крайней мере, не сэндвич.

— Точно не сэндвич. У вас свое рекламное агентство?

— И еще фабрика по пошиву носков. Купил на сдачу.

— Потрясающе, — пробормотала она себе под нос. — Вы безобразно молоды, у вас красивая девушка и вы пишете слишком много постов. Да всю свою жизнь выкладываете в фейсбуке!

— Это вы еще мой инстаграм не видели.

— Сумасшедшие люди, — буркнула себе под нос. — В чем смысл этого эксгибиционизма?

— Такой уж у меня бизнес.

Анастасия полистала еще его страничку, высоко задрав пушистые брови.